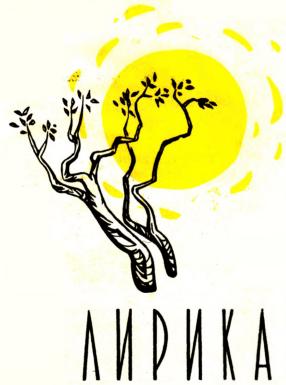
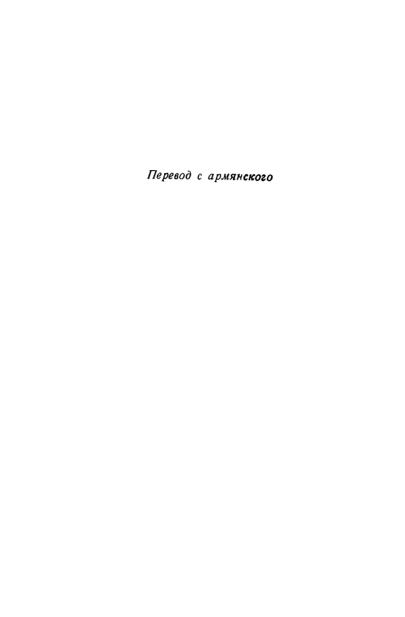

MAPO MAPKAPAH

горная дорога

Горная дорога, Трудная дорога, Через вешние луга, Через вечные снега От отрога до отрога И отвесно и отлого Прямо к солнцу ты идешь, Горная дорога! Ты кружишь по краю кручи, Ты спешишь навстречу туче, Над тобой нависли скалы, Под тобой гремят обвалы, Вкруг тебя царит тревога, Горная дорога! Ты средь бури и безмолвья Вьешься ввысь в ожогах молний, И недаром над тобою Ветер веял, ливни лили — Ты не знаешь душной пыли, Знаешь небо голубое. Ты прошла и позабыла Мутнопенные потоки,

У тебя хватило силы Обрести удел высокий, — Лишь вершинам снежных круч Солнце дарит первый луч, Горная дорога!

Жажда света, жажда счастья, Красоты, любви, участья, Для чего, в края какие Ты влечешь сердца людские? Видишь, путь мой все короче. Дело к стуже, дело к ночи. — Жажда света, жажда счастья. Что ж уняться ты не хочешь? Притаясь под спудом снежным, Там, в глуши глубинной где-тс. Рдеешь пламенем мятежным. Жажда счастья, жажда света, Жажда дружбы и доверья, Пониманья с полуслова! У печального преддверья Молодишь меня ты снова. Сея в сердце человека Страсть высокого накала, Никогда еще от века Утомленья ты не знала. Беспокойное наследство. Жизни главная примета! Где начало, где конец твой. Жажда счастья, жажда света?

От своих тревог и тайной боли Ты не уделил мне ничего, Не доверил ни малейшей доли Скрытого страданья своего. Краткими отделался словами, Холодно-учтив был в этот день, И легла навеки между нами Отчужденья тягостная тень. Я не домогаюсь, не неволю, Но грущу, что жизнь моя пройдет Непричастна и к малейшей доле Мук твоих, печалей и забот.

Бывало, с судьбой своей не поладя, От горя ноешь, свету не рада, Не видишь конца бессилью.

Но вдруг скала обрушится рядом — И горе твое покажется пылью.

Звуки и шорохи гасли несмело, Гасли оттенки, на землю слетая. Солнце лучи убрало И село...
Тихие тени, Руки сплетая, С солнцем прощались, Молча сгущались...
Ни одного неспокойного слова, Звука тревожного, Умысла злого В мире не стало. Все отдыхает — полночь настала, Спите... Я тоже устала...

ЗЕМЛЯНИКА

Земляника, земляника, Круглая, пахучая, От людей листком прикрылась Озорная земляника, Сладость леса жгучая. И откуда столько силы У красавицы лесной? Сок из камня нацедила. Отняла у солнца зной И похитила у лета Аромат и яркость цвета. Земляника, земляника, Круглая, пахучая, От людей листком прикрылась, К теплой травушке склонилась, Сладость леса жгучая.

Луч на камень лег, пылая. Весело Гореть ему. Для кого лучом была я? Радоваться мне чему?

Лаской зимнего рассвета Разогнало Ночи тьму. Чье же сердце мной согрето? Радоваться мне чему?

В начале дороги мечта человека, Как деревце персиковое, цветет, Но так уж на свете ведется от века: Не всякий цветок превращается в плод.

КАМЕНЬ

К огда ты высишься на гребне Скалы, тая в себе огонь, Орлы —

что может быть волшебней? — К тебе садятся на ладонь.

У ног твоих ромашки, маки, Багрянец рядом с бузиной. И голову зажинет всякий, Любуясь гордой крутизной.

Но ты прекрасен и в ущелье, Когда, слова любви шепча, Тебе несет свое веселье Струя гремучего ключа.

Кто скажет, будто ты бездушен, Когда, исполнен красоты. Рукам строителя послушен, Ложишься в стену зданья ты?

Искусство зодчего, вся повесть Его стремлений и труда, Его талант, и мысль, и совесть В тебе воплошены тогда. Но — камень — ты бываешь страшен В груди живой...

Тогда ничем Ты не согрет, не приукрашен; Ты замкнут, холоден и нем.

На себе изобразил Пруд-художник целый лес, И в себя он погрузил Солнце, снятое с небес.

Это здорово! Но мне, Как ребенку, не дано Видеть будто в полусне Быль и небыль заодно.

Пройден, пройден долгий путь Через все, что не вернем, И меня не обмануть Непылающим огнем.

Искорки из-под кремня, Поджигающего трут, Драгоценней для меня, Чем лжесолнцем полный пруд!

Дуб от ветвей до корневищ Весь искорежен молний бивнями, Утесы, вырванные ливнями Из циклопических жилищ —

Руины величавые, Согбенные под тяжестью Времен былых, Своею мертвой славою Овеяли живых. Я, как могу, Иду своей стезею, Обрызгана Холодною росою.

Не прикажу Росе обратно кануть, Цветам Не прикажу я не увянуть.

Я, как могу,
Иду своей стезею —
Закрыла туча
Небо голубое,
Я не рассею
Туч над головою,
Но, как могу,
Иду своей стезею.

Полны любви Я рассыпаю песни И никаких Не знаю «но» и «если». Я — это **я,** И буду я собою, И, как могу, Иду своей стезею. Жернов старой, заброшенной

мельницы,

Где давно ничего не мелется, Где давно не струится вода... Все равно!

Монументом труда Ты останешься навсегда, Жернов старой, заброшенной

мельницы.

О спасавший голодных от голода! Столько зерен в муку перемолото — Шумно, весело и горячо, Что доныне Могуче и молодо Твое каменное плечо. Твоему боевому обличью, Твоему трудовому величью, Не сдающемуся временам, Позавидовать следует нам.

СОСЕДУ

Благодарю за то,

что ты такой,

За то, что

в глаз твоих

усталой глуби Таится гордый и простой покой, Покой.

который суеты не любит.

За то,

что другу верен ты везде, Хоть говорить о дружбе ты не хочешь, За то,

что, не болтая о труде, Ты каждый день

трудом начнешь

и кончишь,

За то, что каждый день

к столу идешь

И, каждый день тяжелыми руками Кладя на старый камень

новый камень,

Не жаждешь славы

и наград не ждешь.

Я этого не выскажу тебе— Тебе ведь благодарности не надо. Я просто руку жму своей судьбе

За то, что мы

живем с тобою рядом.

Видя немало обид, он не скорбит ни о ком, видя неправедный суд, он ускользает молчком.

Рядом, дыша тяжело, сгорбился друг и сосед, он же свой грузик несет — будто и тяжести нет.

Я изучила его, я понимаю, в чем суть, знаю, откуда, куда он направляется в путь!

Это уж дело его, свыклась с такими вполне, но восхваленья ему— будто пощечина мне!

Я люблю, когда на небе тучи Собираются грозовые, Ветер камни срывает с кручи, — Я люблю, что не любят другие.

Я люблю... А кто-то в тревоге Смотрит, выйти боясь из дому, Как бегут ручьи по дороге, Хлам бумажный несут, солому...

В окнах после дождя проясняется; Пусть на время мутнеют реки— Все равно земля обновляется, Будто ливнем с нее смывается Пыль, и гниль, и нечисть навеки. Я люблю это. Мне это нравится!

k * *

Ниже и ниже спускаюсь я, Ноги устали, шаг неуверен, Вырос мой счет скорбям и потерям, Тихо спускаюсь я... Горный хребет надо мною навис, Шагом неспешным бреду я вниз, Воспламеняя любовь к вершинам В тех, кто растет, Кто тянется ввысь... Долог мой путь, пора мне присесть, Вниз я бреду по отрогам горным. Край мой! Останься таким, как есть: Снежным,

высоким, гордым.

БЕССОННИЦА

 Π окоя нет, — Ты от себя все дальше, И от невольной фальши Покоя нет. И сон не в сон. Не зная утоленья, Сжигаю сожаленья, И сон не в сон. Ни друг, ни враг Не станут столь сурово Судить за злое слово Иль ложный шаг, Не станут без уступок За каждый твой поступок Карать, скорбя. Ты знаешь всех вернее, Караешь всех больнее Сама себя.

Дорогое что-то Мельком исчезает, Навек покидает Дорогое что-то. Тихо и безмолвно Незаметно тает, Тает, облетает Дорогое что-то...

Как его удержишь? Чем его приветишь? Нет таких убежищ, Нет на целом свете. В мире неоглядном И необозримом Не вернуть обратно, Коль промчалось мимо, Хоть тысячекратно Думай о любимом.

Дорогое что-то Мельком исчезает, Навек покидает Дорогое что-то...

Не иссякает песен родник, И годы его не трогают. Не умолкает сердца язык, Невзгоды его не трогают.

Только ложится иней кругом, Воздух мглистым становится. То, что сверкало ярким огнем, — Серебристым становится.

Лишь не седеют мои мечты, Спорят с зимою белою. Люди мне скажут: глупая ты, Что ж я с собой поделаю?

Бывают дни — беда нагрянет, И вдруг на целых десять лет Состаришься, и мигом станет Чернее ночи белый свет. Бывают дни — беда нагрянет, И впереди просвета нет.

В минуты грозных потрясений Мы цепенеем, вдруг застыв... Окаменеем на мгновенье, И все исчезнет — взлет, порыв. Все сразу станет безнадежно. Зной, стужа ли — не все ль равно? Все — безвозвратно, невозможно И горькой памятью полно.

Бывают дни — как одолеть их? Не забываются они! Мы жить могли б тысячелетье, Когда бы не такие дни.

ЧУЖАЯ ВЕСНА

Помедли, весна, чужая весна... Давно ль ты была моею весною! Недолго же ты была мне верна,— Едва разгорясь,— рассталась со мною.

Как светел твой день, кротка тишина! С тобою душа светлее, добрее. Помедли, весна, чужая весна, Отрадой чужой я сердце согрею.

Плачут дудки, горько плачут, Надрываются они. Вспоминаю я, что значат Мной покинутые дни. В этих стонах — голос бедствий. Безутешная тоска. Не себя ль в сиротском детстве Вижу я издалека? Голос горестных рыданий Полон тайных жгучих сил. Он виденьями в тумане Сердце мне разбередил... Дочка тоже слышит пенье Старых дудок, но она Смотрит вдаль, чужда волненья, Безучастна, холодна. Ей невнятны звуки эти, Горькой жалобы язык... Словно несколько столетий Разделили нас на миг.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Ни запаха, ни теплоты. Краса искусственного лоска --Ненастоящие цветы — Из клея, Стружек И из воска...

Пионы тянут лепестки К сирени, К золотистой астре. И нежных ландышей глазки, Не оживленные, погасли.

Их листьям не нужна вода. Их стебли пить ее не станут. Цветы не пахнут никогда, Зато и никогда не вянут.

Не успел возликовать, Услыхать живое слово И раскрыть сердце снова Не успел.

Все невзгоды претерпел, Отряхнулся от былого, Перед счастьем устоять Не успел!

Смотрела молча я на вал, Что предо мною бушевал, И восхищалась возмущеньем, Которого он не скрывал.

У берега его волна Была песком замутнена, Зато морская глубина Всегда чиста, Всегда ясна. Смеются маки,

поле в красном

ситце.

Трепещут маки, гнутся. Как им быть? Но все равно напрасно ветер злится. —

Их пламени

ему не погасить. Ни запаха, ни формы и ни цвета Иметь ветрам бездумным не дано, И, видно, маки понимают это — Упавшие,

смеются все равно.

33

С большим трудом, но вышла я на главный путь уж в поздний час. уже без сил, уже без крыл; все позади --и узость троп, и бездны жуть, и кручи скал, где, что ни миг, обвал грозил. Немало сил за много лет пришлось терять. Я вновь собрать должна теперь все силы те. чтоб не кружить, чтоб не блуждать и не петлять, а напрямик идти к желанной высоте! ${f B}_{ ext{c1}}$ ретила я опьяневших от счасть**я,**

В празднике их приняла участье, Их ликованье меня захватило— Времени на себя не хватило.

Я повстречала застывших в горе, Слезы скупые дрожали во взоре... Горькую скорбь их я разделила— Времени на себя не хватило.

Искры в сердцах отыскать смогла я, Мигом огонь любви разожгла я, Пламя чужое меня охватило— Времени на себя не хватило.

Так, позабыв про свою дорогу, Всем помогала я понемногу. Я для других не жалела силы — Лишь для себя ее не хватило.

С этих сошла я высот, а до других не дошла. Солнце к закату идет. Я полпути не прошла. Медленно движусь вперед и тяжело дышу: воздух орлиных высот трудно переношу. Тени все гуще, длинней, все драгоценнее свет редких вечерних лучей, вовсе сходящих на нет. Солнце к закату идет. Я бы подождала. С прежних сошла я высот, а до других не дошла.

Ты порой пугаешься сама Дум своих. Припомнишь все

поступки, Все слова — и мысль нейдет с ума: Неужель толкла ты воду в ступке? Неужель, по ветерку скользя, Ты жила — и вот стоишь пред былью: Близорукие твои глаза Застилало золотистой пылью.

Может быть, одна лишь ты была Собственными песнями довольна. Может, Даже строчка Не легла На сердца других — светло иль больно. Может, жизнь твоя, что зря сгорела, Никого на свете не согрела, И, напрасный свой напев любя, Ты одна и слушала себя.

Ты поймешь потом (но будет поздно), Что себя ты сделала бескрылой, Что, как искры на ветру, без пользы Унеслись твои былые силы. Будет пусто на сердце, неладно. И когда придет твоя зима, Ты увидишь вдруг, Как беспощадно Обманула ты себя сама.

* *

Тяжело в тени стоять, Но и солнца свет слепит. Путь мой трудно всем понять, Много счастья— не сулит...

Молодость была, а с ней Боль исканий и утрат. С каждым новым днем ясней Промахи мои стократ.

Смолоду не сгорбил груз Испытаний и потерь, А теперь я не согнусь: Я сломалась бы теперь! А помнишь ли ты, дружок ясноокий, Сестричка моя, шалунья Армик, Как мы наизусть зубрили уроки, Чтоб только от них отделаться вмиг?

Искали впотьмах случайной удачи, Стремясь угадать готовый ответ... А жизнь припасла такие задачи, Что, кажется, им решения нет.

Вопросы ее все жестче, прямее, Ответить на них труднее стократ, А я ничего теперь не умею Зубрить наизусть, решать наугад.

За окошком воег ветер, В двери гулко рвется ветер. Ах! Чего еще ты хочешь и смущаешь мой досуг?! В этот светлый час покоя Что с тобой, скажи, такое, сумасшедший, грозный друг? Я равна тебе, я снова В блеске крыльев... Мысль и слово, Я, как ты, держу в объятьях дорогих моих друзей, И летаю я повсюду,

только чуду, Но я мощи не имею

Я подобна

И я трачу

в вихре чувства
Часто
все мое искусство...
Так себя я расточаю,
расточаю всю себя.

Этими вот самыми руками Звезды с неба

я б свести могла,

А потом —

другие бы зажгла! На скале, на голом камне, Как цветок,

колючка б расцвела Под моими теплыми руками! Что же я до времени старею, Без толку

куда уходят дни? Мной еще не взращены

деревья,

Мной еще

не зажжены огни.

Я, как зерна,

разбросать должна

Вёсны

сердца моего

по свету,

Новую должна зажечь планету. А она —

еще не зажжена.

ДУМЫ О СОЛДАТЕ

Запугали меня или нет С самых ранних, младенческих

лет. —

Но, бывало, дрожу, говорят, Как услышу я слово: солдат.

Помню я: мне казалось когда-то — Никого нет страшнее солдата. Он в суровой, солдатской шинели Сапогами стучит по панели.

Я считала безликим его, Непонятное мне существо. А потом я любимого брата Увидала в шинели солдата.

Время шло... Я еще подросла, И уже хорошо поняла, Кто проходит в солдатской шинели Сквозь туманы, дожди и метели.

А войны загремели раскаты, И узнала я: все мы солдаты В эти годы побед и утрат. Каждый служит стране, как солдат. Каждый связан присягою братской, Хоть не носит шинели солдатской.

ПЕСНЯ

Зангу о берег бьет волной Настойчиво, неутоленно И для садов с листвой сквозной Слагает песнь любви бессонной.

То замедляет бурный бег, Кружит, не находя дороги, То, сбрасывая пенный снег, Летит вперед через пороги.

Ты, верно, как и я, Зангу, Для песни не находишь слова, О камни бъешься на бегу И крутишься на месте снова.

Восторг сердечной полноты Мне близок болью бессловесной, Добиться песни хочешь ты, Чтоб даже камень тронуть песней.

Обещания, не данные пока, И поэмы недописанной строка, Неразвеянных мечтаний океан, — Жизнь моя, о как ты коротка!

Столько мыслей и стремлений, столько дел, Столько радости досталось мне в удел. Как бы все не растерять на полпути — Быстротечной жизни близится предел.

Мое сердце так желаньями полно, Разбросать бы их по свету, как зерно!

Обещания, не данные пока, И поэмы недописанной строка, Неразвеянных мечтаний океан, — Жизнь моя, о как ты коротка!

Капли, как бусы, нанизаны На ниточки-провода. Медленно падают вниз они — Кап... Не ищи следа. Кап... И память неверная Мне говорит: — Вперед. — Кап... И уже, наверное, Мой подходит черед. Кап... И жизнь уже прожита, Капля летит звеня...

Мир огромный, как сможешь ты Жить один, без меня?

Мои тетрадки классные, Странички букваря, Наивные и ясные, Как дней моих заря.

Мне дороги нехитрые Приметы детских лет: Вот кисточка с палитрою, На столике портрет.

Мила мне юность ранняя— Рассвета синева. И память о свиданиях Во мне еще жива.

О юность, детство милое! Забуду ли я вас? Волшебной вашей силою Живу я и сейчас.

Написал строчку честную — Не пропадет даром. Зорьку раннюю встретил песнею — Не пройдет даром.

Горсть семян раскидал по отрогам — Урожаем взметнется. Камень сбросил с горной дороги — И это зачтется.

Слово доброе молвил людям — Правда полюбится. Ничего забыто не будет, Все окупится.

Я хозяйка неба и земли — Неба синего,

земли зеленой.
Вот в пустыне, горькой и соленой.
Розы расцвели.
Эти розы насадила я!
Я любовью пропасти заполню.
Каждую беду земли я помню.
Радость каждая земли — моя.
Ярче путеводного костра
Освещает путь мой длинный
Радуга — моя сестра.
Вот она! Восстанем над долиной!
Может быть, согнусь под тяжкой
ношей.

Но душой — не покривлю. Для людей,

которых так люблю. Сделаю я, совершу хорошее!

Себе обещала я тысячу раз Не делать ошибок — был голос мой звонок!

И все-таки я ошибалась тотчас И вновь увлекалась, как малый ребенок. Я видела искренность в блеске пустом, Я радостно верила лживой улыбке. Себя я сурово судила потом И тут же ловила на новой ошибке. Я, словно наставница, хмурила бровь, Я, как ученица, клялась себе снова, Следила за взбалмошным сердцем, и вновь

Я все же сдержать не могла свое слово.

Разжигаю печь водою, А пожар тушу соломой, Умножаю горе вдвое, Радость прочь гоню из дома. Вместо роз шипы сбираю, Тешусь терном да крапивой, Щедро на ветер бросаю Хлеб души и соль ума,— И зову себя счастливой, Тщетно лгу себе сама.

у огня

Кипит металл в печи огромной И пляшет огненной водой. С «железной ложкою» у домны Стоит рабочий молодой.

Он открывает путь металлу Своей уверенной рукой. Ему вчера лишь двадцать стало, А труд его течет рекой!

Не так велик и жизни опыт, Но я все думаю о нем: В его работе дым и копоть Никто не спутает с огнем...

Не шел упрямый дождь, когда Была земля суха, тверда, Когда сгорел от жажды сад, И вот не к месту, невпопад Явился дождь, и льет, и льет, Сухие ветви бьет и гнет. То горько плачет он навзрыд, То молча мрачно моросит, То бурным ливнем хлынет вдруг, Вода шумит, кипит вокруг, Поит деревья до корней. А сад? Что саду делать с ней? Что пользы в ней? Какой в ней прок?

Желанный дождь пришел не в срок.

Нету времени больше ждать, О пустых вещах рассуждать. Правду сердца открой сейчас— Нету времени больше ждать. Не родишься ты вновь на свет, Чтобы правду потом сказать.

В САДУ

Калитку в милый сад, Где клен, и дуб, и ясень, Гуляя наугад, Уж распахнула осень. Там пшат прекрасный мой — Серебряное диво — И тополь золотой В наряде горделивом. Как будто под листвой Огонь незримый зреет, Там рыжей чешуей Шиповник пламенеет. Но осень так скромна, И от избытка силы Под холодом она Огонь свой затаила.

Когда встречала я дурного человека, Казалось мне, что грязь его меня касалась,

Что хуже делалась и я. Так мне казалось,

Когда встречала я дурного человека. И стала я обидчивой, тревожной, Как будто чем-то важным поступилась, Когда увидела, как притупилась Во мне боязнь пойти тропинкой ложной. И раз, и два, и три, по крайней мере, С дурным смирялась я, свой стыд тая, И каждый раз росли мои потери — Хорошее утрачивала я.

Иначе — тверже, чище, жить спеша, Сегодня снова духом я крепчаю, Но, может быть, сама не замечаю, Насколько стала я нехороша?

Любви несказанное слово, Стиха ненайденные строки Мне не дают покоя снова— Ни сна, ни отдыха, ни срока.

Не проросли доныне зерна, Доныне их душа скрывает, И родина печальным взором Меня безмолвно укоряет.

И голос самонедовольства Без отдыха, без ослабленья Звучит во мне

и обличает Мои неполные свершенья.

Какая-то птица Средь ночи в далеком лесу Все кличет кого-то, И голос ее сиротлив, И горькое горе, Которое в сердце несу, Тотчас отзовется На этот далекий призыв. Безвестная птица, Кого средь ночной темноты Зовешь безответно В молчании чащи лесной? С тоской безутешной Одна-одинешенька ты... Как жутко, должно быть, Средь ночи остаться одной, Как тяжко, должно быть, Глухое сиротство души В той чаще дремучей, В ночной безответной глуши.

СЫНУ

Ревнуешь меня Ко всему ты на свете — К раздумью и к песне, К письму и к газете, Перо у меня Вырываешь из рук, Ты плачешь, ты хочешь Отнять мой досуг. Ты требуешь Все мои дни До минуты. Плетешь для меня Драгоценные путы, Чтоб вечно сидела В уютном углу, Из кубиков строя Дворец на полу.

Мне хочется часто Тебе подчиниться, Мне сладко в твоем Уголке полениться. Там столько чудесных Истерзанных книг. И ты бы ко мне Благодарно приник...

Но жизнью даны мне Суровые сроки, Ты это пойми, Мой упрямец жестокий! Без счету задач Задает мне она, Их все до единой Решить я должна. Постыдно в дороге Не помнить о цели И годы растратить В бездумье, в безделье, С единственной ношей По жизни пройти, Отстать от людей На высоком пути. Вель если бы даже. Тебе лишь в угоду, Бездумно, бесцельно Растратила годы, — Настанет пора, Мой упрямый малыш, Когда ты за это Меня не простишь.

ДОЧЕРИ

Н равоучения читать Не стану понапрасну. Мне и самой, хоть я и мать, Не все бывает ясно.

Случалось в жизни мне не раз Бродить по бездорожью, И горько каяться подчас, И правду путать с ложью.

В сердцах разрушить сгоряча То, что всего ценнее, А после — плакать по ночам, От горя цепенея.

Всего один совет прими, Скажу тебе не много — Будь добросовестной с людьми, Иди прямой дорогой.

Не легок благородства путь, На нем всегда преграды, Но ты о правде не забудь, И будет все, как надо. Услышу ласковый привет кому-нибудь — Как будто солнца яркий свет зальет мой путь. А если речь о ком-нибудь коварна, зла, Мне словно проникает в грудь сырая мгла.

Усталый встретится со мной — кольнет укор.
Пройду тихонько стороной, потупя взор,
Как будто по моей вине он утомлен,
Как будто за меня, вдвойне

BETEP

Он не церемонится с листвою, Горизонт завесой пылевою Застилает, этот ветер. Тучи он у нас над головою Собирает, этот ветер. С корнем он терновник вырывает, Он в дверях и в окнах завывает. Но, не в силах совладать с утесом, Только зря старается он, ветер!

Как трудно мне, как стосковалась я, Как долго жажду ласкового слова... Несется жизнь, как зыбкая ладья, Не достигая берега крутого.

Я тысячи надежд переплыла, И в сердце — тысячи сердец горящих. Все тяжелее мерный взмах весла, Все дальше берега в тенистых чащах.

Как день за днем — шли за волной волна,

И каждая все дальше уносила, И вот еще одна, еще одна, Еще одна, а я теряю силы...

И все ж земли коснулась я рукой И вот вхожу в тенистую дуброву, — Измученная долгою тоской По одному лишь ласковому слову.

С рождением каждого дня Я словно рождаюсь снова. Как девочка петь готова С рождением каждого дня.

Лишь только лучи блеснут, Лишь солнце меня разбудит— Надежды, мечты и люди Меня за собой влекут.

Весь мир в этот ранний час Так молод, и свеж, и ярок! Он мой — он мне дан в подарок. Он красками радует глаз.

Я вижу добро и свет, И вот уже нет печали, Заботы навек пропали, Как будто их вовсе нет.

Весь мир покорил меня, И все дороги мне милы, Рождаются новые силы С рождением нового дня!

В волосах сединки заблистали, — Время всех окрасит добела... Жизнь моя, скажи мне, не вчера ли Юной и крылатой ты была?

Путь мой все короче и короче, Только больно мне не потому: Больно, что теперь лишь, поздно очень, Научилась разуму-уму.

Больно то, что в юности живешь, Дням цены не зная, как придется, А когда ты многое поймешь, Времени почти не остается.

Ты поймешь, как время ты на ветер Разбросала, — тяжкая вина! Сколько дней теряла, не заметив, Дней пустых — колосьев без зерна...

С юными делюсь своей тревогой, Только, может быть, напрасный труд? Неужели этой же дорогой К пониманью позднему придут?

Ни одно мое пристрастье Не цвело бесплодным жаром, Не прошло для жизни даром Ни одно мое пристрастье.

Сколько в сердце строк заветных, Сколько в глубине души Огоньков едва приметных, А попробуй — потуши!

В знойный час прохладной тенью Вы ласкали сердце мне, Словно паводок весенний, Уносили на волне,

Жгли меня без сожаленья, Гасли будто навсегда... Но минувшие пристрастья Не исчезли без следа.

Чувство боли, чувство счастья Не сгорит в душе дотла. Наступающая осень Обаяньем прошлых весен Благодатна и светла. Ну что мне рассказать? О чем? Мне нечего сказать. Как прежде, покидаю дом И прихожу опять.

В саду по-прежнему цветы, Журчанье ручейка. От зноя, пыли, духоты— Обычная тоска.

И я по-прежнему живу В далеком царстве грез, И сны я вижу наяву, И счастья жду всерьез.

Все разошлись — и я одна И в доме и в саду. В свои мечты погружена, Я вновь чего-то жду.

Я жду, я верю, и опять, Покуда жизнь в груди, Я буду верить и мечтать, Что радость впереди.

Весь в белом, чуть колышется миндаль. Весна! А ты, душа, не пробуждаешься, Не рвешься вместе с ласточкою вдаль И по лесным тропинкам не скитаешься. До бурь тебе и дела словно нет — Костром горячих дум не разгораешься. ...Я не считаю пролетевших лет, Что осень, что зима — мне все равно. Я твердо знаю, знаю лишь одно: Когда перестаешь мечтать, гореть, — Не это ли и значит — умереть?!

Мне трудно, оставшись самой

с собой, Молча о жизни своей размышлять: О том, что судьбой давалось, И кем я не стала, могла кем стать...

Мне трудно признать, что я никогда, Нигде, ни в чем — не брала города, Что силы мои уж совсем не те, В которые верила я всегда, Что силы растрачены в суете, Что лучшие даром прошли года...

Да, трудно, Если захлопнута дверь, Потушен свет и закрыты глаза, О жизни прошедшей думать теперь, Когда уже спущены паруса...

Но стоит лишь голову вверх поднять, На мир поглядеть, послушать людей, И верить в себя начинаешь опять, Как в юности, — радостней и смелей. Где слова для тебя найду? Ты противишься мне во всем. Как прогнать от тебя беду? Ты противишься мне во всем.

Ни мольба моя, ни совет До тебя не смогли дойти. Ты на все отвечаешь — нет, Рушишь все на своем пути.

Заставляешь меня страдать С каждым часом сильней, сильней, Ничего не желаешь знать, Кроме властной любви своей.

Уберечь тебя от тревог, От печалей хотелось мне. Только голос мой не помог — Все сгорело в твоем огне.

Как прогнать от тебя беду? Где слова для тебя найду?

Ради людей, ради друзей, Сердце мое, Бейся сильней!

Очень тебя утомила я Трудною жизнью своей.

Сердце мое! Как никогда, Ради друзей, ради людей, Ты мне нужно в эти года. Выручи, друг, Бейся сильней.

Ведь без конца, без края Сила в тебе живая. **К** ак на кусок скалы отвесной, Обвитой дымом высоты, Гляжу на облик твой железный, На мужественные черты.

В движеньях— сдержанность полета,

И слышу в голосе твоем Далекий гром по крыше дота, Войны прошедшей бурелом, Шум тяжких дней в твоем дыханье, В глазах — огонь больших исканий.

Как на черты земли родимой, Каленной в стуже и борьбе, Смотрю на облик твой любимый, И верю, верю я тебе! * *

У людей моего поколения В легком инее раннем виски, Раньше срока пришло поседение, Хоть старения дни не близки.

Это значит, что стужу вдыхали, Это значит, что много прошли. Лед и камни порою пахали Вместо хрупкой и доброй земли.

Хоть виски и в серебряной раме, Но сердца молодеют опять. Мы не можем с такими сердцами На земле равнодушными стать.

И своенравный, и веселый в моей душе живет мальчишка, но там же на подъем тяжелый тайтся старый старичишка.

Мальчишка носится, смеется, а старичишка вечно в страхе. И вечно склока создается, и вечно в доме охи-ахи.

Тут с норовом столкнулся норов, мир не берет, вражда пылает. Моих горячих уговоров они и слушать не желают.

Летит самозабвенно малый, подтягивает вожжи старый, и жизни мне от них не стало, они меня изводят парой!

 Γ де-то вдали оставив пределы города, шумного, как бурные воды, пришла я и онемела у ограды нашего огорода.

Предо мной пылают нивы, молча, не шевелясь, и глядит на меня с рыжей гривы жара, как немигающий глаз.

Чало пролаял раз-два и заснул сейчас же, желтая курица крутит головкой и что-то понять стремится. Зевает хижина наша, прислонившаяся к шелковице.

Старая бабушка под старым деревом по старинке старою прялкой старую грусть прядет. Я хожу то вверх, то вниз по тропинке и не знаю, куда она ведет.

Пока нашла ты верный путь И азбукою жизни овладела И образумилась чуть-чуть, Почти вся жизнь уж пролетела, Остались лишь воспоминанья. Мечтаем в юности мы смело, А силы меньше, чем желанья. Ты ошибалась то и дело, — Длинна ошибок череда... Так неужели лишь тогда Ты перестанешь ошибаться И сможешь в жизни разобраться И будешь в ней нужна, когда Придется с нею расставаться?

Что-то печатает дождь по стеклу; наискось падают капли дождя, что-то по сердцу стуча моему, смутно дробясь и тоску наводя.

Есть она,
мелочных дум дребедень,
перемежавшаяся
с тоской,
словно вот этот,
что льет целый день
холодноватенький
дождик такой.

Выгляни, солнце, туман разгони, жгучим лучом по стеклу поведи! Мне надоели безумно они, мелко-холодные эти дожди!

На далеком моем пути Свет мерцает издалека, Лист на ветке дрожит слегка На далеком моем пути. Где-то песня еще слышна, И задумчива и нежна; Разгорается огонек... Вон вдали поднялась рука, — Развевается в ней платок На далеком моем пути.

Есть еще мне о чем мечтать, Есть чему жар души отдать, Есть вершины, куда прийти Я должна хоть в конце пути. Ты говоришь мне:
— Поздно.
Все пропало.
Жизнь позади —
О чем еще мечтать?..—
И книгу раскрываешь
И устало
Захлопываешь, не
взглянув, опять.

Все понимаю, Слушаю с участьем, Молчу — не спорю: Есть ли в спорах прок?.. Но разве жизнь Для достиженья Счастья Какой-то устанавливает срок? Перед лампою настольной Вспоминаю о тебе. Дрогнет ветка— и невольно Вспоминаю о тебе.

Шалью туч луна одета, — Вспоминаю о тебе. Ручеек пробьется где-то, — Вспоминаю о тебе.

Почему же, сам не зная, Ты заполнил целый свет? Полон он тобой без края, Весь он полон— белый свет.

ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВЦО

Ты расцветаешь, персик мой, Подросток, девушка-дичок... Кто ластится к тебе, кто льнет? То легкий горный ветерок.

А ты смущаешься, дрожишь, Любви боишься первых слов, И обаяние твое— Беззвучный и безмолвный зов.

Но на себя ты не глядишь, И потому не знаешь ты, Что в юной прелести своей Ты совершенство красоты.

С тревогой на тебя смотрю, Вздыхая и грустя тайком. Как ты напоминаешь мне О чем-то самом дорогом!

6* *83*

Лишь ты сумел мне указать Дорогу к песне, Сказал мне: возродись опять И стань прелестней. Все озарил собою ты, Как солнце — дали, И, распустившись, все цветы Затрепетали. От счастья слепну — не пойму, Не сон ли это, От счастья сердцу моему Не видно света, Но эта щедрость красоты И есть примета, Что существуешь ты, что ты Здесь близко где-то.

1). *

Говорят, что с тобою должна я играть и лукавить, Но, завидев тебя, я теряю рассудка следы. Умирая от жажды, не в силах я губы заставить Хоть на миг окунуться в прозрачные струи волы.

Но я рада теперь, что не верила низким советам, — Не хитрила с тобой, чтоб услышать желанный ответ. Как бы ни было больно, жалеть я не стану об этом, — Иногда пораженья бывают достойней побел.

Тебе все хочется любви, Участья постоянного. В том нет дурного ничего И ничего нет странного.

Всегда у сердца в тайнике Так много сокровенного. В том нет дурного ничего И необыкновенного.

О сенью позднею ради чего
Ты расцвела, моя белая вишня?
Как я ждала торжества твоего
Ранней весной... Но к чему этот
пышный

Поздний расцвет? О, поверь, — никого Не очаруешь ты прелестью лишней!

Ради чего распускались цветы Осенью поздней в саду опустелом? Вся словно снегом осыпана ты, Вся полыхаешь ты пламенем белым!..

Ты — в двух шагах от зимы, своего Счастья не сдержишь, красуешься пышно...

Осенью позднею ради чего Ты расцвела, моя белая вишня?

Ты мир наполнил до краев Дыханьем, звоном, светом, А я нашла так мало слов, Чтоб написать об этом.

Меня за песню похвалил Сегодня ты напрасно: Чья песня, кто се сложил. — Тебе должно быть ясно!

Слова «любовь» и «жизнь» неразделимы. Раз нет любви — нет и меня самой. Мне нужно знать, что я людьми любима, Еще нужней — любить их всей душой.

Я не держу своей любви в секрете, Я не стыжусь душевного огня. Мне б только знать, что где-нибудь на свете Хоть огонек остался от меня.

Нет-нет да загрустишь порой О днях, не скрашенных любовью, Что гнали скорбной чередой За горем горе к изголовью, Прошедших трудною тропой В борьбе с бедой, в борьбе

с собой...

Нет-нет да загрустишь порой О днях, не скрашенных любовью. О снах, что грезились давно И не смогли осуществиться, — О родниках, которым влиться В большое море не дано.

k + *

Ты на меня взглянул с улыбкой, — С меня и этого довольно. Сверкнул во взгляде промельк зыбкий, —

С меня и этого довольно. Не так уж много людям нужно: И капелька росы жемчужной Расскажет, что весна настала. Ты улыбнулся мне невольно, Во взгляде искра заблистала, — С меня и этого довольно.

Свистящий ветер ставни рвет, Зима, студеная зима... На крышах снег, на окнах лед, Покрыты инеем дома. И я хожу, и я скольжу По мрачным улицам пустым, И я от холода дрожу. И целый мир вокруг застыл. Но вдруг — шагов я слышу звук! — Выходишь ты из-за угла. И тает, тает все вокруг, И там, где были лед и мгла, — Цветущий сад, шумящий лес, Слепящий, солнечный простор, И синь весенняя небес. И неумолчный птичий хор. Растапливает солнце лед Огнем ликующих лучей И с каждым новым шагом жжет Все горячей и горячей... Но ты проходишь... Отчего?! Ты слеп иль, может быть, жесток? Огонь ли сердца моего Твоей души зажечь не смог?

И снова ветер ставни рвет, Зима, студеная зима... И снова снег, и снова лед Одел продрогшие дома.

ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ

Ты — песня счастья, Луч средь ненастья один-единственный. Стих мой любимый, Неповторимый, один-единственный.

Бьюсь я безмолвно, Тщетны усилья. В сердце мне словно Колышек вбили один-единственный.

Вынуть? Не вынешь. Сгинуть? Не сгинешь. Как ни прикинешь— Горя не минешь... Один-единственный... Поднялась я утром рано: Весь в цветах наш абрикос, Зеленеют лес, откос... Поднялась я утром рано. Жизнь — великий чародей Для природы и людей. Вот ведь как бывает странно: Взгляд, заботливый вопрос — И ни горя нет, ни слез... Поднялась я утром рано: Весь в цветах наш абрикос.

Не понимаешь, не понимаешь, Не понимаешь, что сделал ты! Жизнь предо мною ты открываешь, Полную света и красоты.

* 1 *

Ты предо мной — и все в моей власти, И если б жить мне еще века, Этого солнца, этого счастья Мне бы хватило наверняка.

Столько тепла ты в душу вливаешь, Столько живительного огня... Не понимаешь, не понимаешь, Что означаешь ты для меня!

Если бы знал ты, как ты мне нужен, Как я в тоске на ветру стою, Как огневое дыхание стужи Жжет беззащитную душу мою!

Если бы знал, сколько слов заветных, Сколько вопросов я сберегла, Сколько заметных и незаметных Трудностей я пережить смогла!

Если бы знал... Но к чему догадки! В сердце чужое кто проникал?.. Может, бежал бы ты без оглядки, Если бы знал...

Промчатся дни,

пройдут недели, — Не затрепещет сердце вновь, Не поведет тебя любовь Плутать по улицам без цели. Промчатся дни, пройдут недели, И станет жаль тебе на миг Надежд, что сбыться не посмели, И слов, что так и не слетели С губ твоих...

Липо твое вспомнить хотела, И вспомнить никак не могла. — Пыльцой на нем время осело. И дымкою даль обвила. Лицо твое вспомнить хотела, И вспомнить никак не могла, Душа ль оскудела дорогой Иль крылья сдают, может быть? Ах, передохнуть бы немного, Со старостью повременить! А путь мой неровный, негладкий Зовет без оглядки вперед, — За днем, по-осеннему кратким, Бескрайняя ночь стережет... Лицо твое вспомнить хотела. И вспомнить никак не могла, --Пыльцой на нем время осело. И дымкою даль обвила...

Ты мне сказал: Тебе, признаться, Любовь уж поздно воспевать: Тебе давно не восемнадцать И, кажется, не двадцать пять...

Сказал, а сам с такой тревогой, С такой надеждою глядел, Как будто этой речью строгой (Хоть старше сам меня намного) Мне о любви сказать хотел.

Как солнцем спаленная нива, Тоскую о свежем глотке, А ты, кипарис горделивый, Стоишь в стороне, в холодке. Закат отпылал, до крупицы Колосьям свой жар передав. Слыхала я, где-то струится Прохладный родник среди трав... Над нивою, выжженной зноем, Дымок желтоватый повис, — А ты так же зелен и строен, Надменный, чужой кипарис.

Весь мир, вселенная со мной, А также ты. И песня зреет в час ночной И говорит со мной одной,

Устала я, Уходят вдаль Мои пути... Куда ведет меня печаль? Куда влечет? Чего мне жаль? За чем идти?

А также ты.

Мне нужен Чей-то острый взор, Кремень — черты, Чтоб встать беде наперекор, Мне нужно счастье выше гор, А также ты! Солнце восходит там для меня, Где появляешься ты, мой друг, Там расцветает сиянье дня, Где прозвучит твое имя вдруг.

Вмиг захлестнет меня яркий свет И нестерпимо станет глазам... А без тебя мне и солнца нет — Солнце идет по твоим следам.

Ветер ищет кого-то, врывается в сад, Рвется в щели окон и дверей, И устало в саду тополя шелестят: «Уходи, уходи поскорей!»

Боязливо нахохлившись, молча сидит На тугих проводах воробей И за тучкой плывущей сердито следит: «Уходи, уходи поскорей!»

Пробивается свежий зеленый росток Средь темнеющих голых ветвей, С грустью шепчет ему прошлогодний листок:

«Уходи, уходи поскорей!»

Первый солнечный луч над горами скользит.

И становится в мире светлей, Но угрюмый туман и ползет и грозит: «Уходи, уходи поскорей!»

Жжет тоска мое сердце томящим огнем, И в душе одинокой моей Возникает твой образ и ночью и днем, Но холодный рассудок твердит об одном: «Уходи, уходи поскорей!»

Быть может, и на свете нет Того, о чем я столько лет Грущу.

Мечту беспечных детских дней, Надежду юности моей Ищу.

К закату мне теперь идти, И увядают на пути Цветы.

Как девочка в пятнадцать лет, Ищу путей, которых нет, Мечты.

Шаги нарастают, Шаги замирают... Все глуше к порогу Тропа зарастает, И силы, и жизнь Убывают с годами, Лишь в сердце горит Бесполезное пламя. Лишь сердце, как встарь Заблуждаясь и веря, --Презирая потери, Надеется, ждет, Так много дорогой Оно накопило Любви, доброты, Безрассудного пыла! Зачем? Для кого? Кто ответит, кто знает... Шаги нарастают, Шаги замирают...

ПЕРЕД ОЧАГОМ

Светлой памяти моей бабушки

Я вижу: опустившись на колени, Огонь вздувает бабушка моя. Чтобы на стенке Задрожали тени И над трубою Поднялась струя. Чтоб, если гость появится на тропке Со стороны синеющей гряды, Нашлись бы — Миска добрая похлебки, Огонь. Глоток вскипающей воды. Сидит она. В добро людское веря, Безропотна, спокойна, нестрога. Лишь дал бы бог Раскрыть пред гостем двери Да поднимался Дым от очага. То утро жизни... Луч лизнул ступени... То мой рассвет... О чем-то грежу я. Тихонько опустившись на колени. Огонь вздувает бабушка моя,

ДОМИК

Снеговая шубка, ледяная шапка, Кустики примерзли к ледяным камням. Подо льдом и снегом— теплый запах хлеба,

Тихо и уютно около огня.

На тахте узорной мягкие подушки, Бабушка у печки штопает носок. За столом читает белокурый мальчик, Белокурый мальчик учит свой урок.

Радио на стенке говорит негромко. Ровный, тихий голос каждому знаком. А ему на печке на своем наречье Подпевает чайник тонким голоском.

За окошком вьюга, за окошком ветер Носится по крышам, злобен и жесток. На окошке в доме весело смеется Маленький и дерзкий огненный цветок.

НАШ УМНЫЙ ЧАЛО

Выпал снег большой, пуховый, Солнце выглянуло снова. И, как бабушка, избушка, Белую накинув шаль, Призадумалась о чем-то, Загляделась вдаль.

А снаружи, под стеною, Там, где сухо и тепло, Лапы вытянув, улегся Умный, добрый наш Чало.

Он не бродит по задворкам. Он, как полагается, Не рычит на всех без толку, В людях разбирается.

Часто воет на луну, Лаем ночь пугает. Но на солнце никогда Наш Чало не лает. На тахте — подушек разношветный ворох. Розами усеян бабушкин ковер. Вьется пламя в печке, слышен треск и шорох. И глядят мальчишки на огонь в упор.

Что-то вяжет бабушка. Вяжет и негромко Тянет, словно нитку, сказку древних дней. А за дверью вьюга... Поднялась поземка, Сказочная нитка вьется вслед за ней:

«Жил бедняк на свете. Он пробрался к хану И похитил дочку. Гневно хан велит:
— Голову срубите вору и смутьяну! — И за это гору золота сулит».

Слушают ребята сказку молчаливо. Разве можно лечь им и забыться сном? Варево над печью что-то говорливо Булькает, болтает в казанке своем.

«...Чьи мечи сверкают? Это кто же мчится?

Гонится за юношей свора палачей. Выдернул перо он из крыла жар-птицы, Полетел и скрылся от лихих мечей...»

Веселится пламя. Извиваясь, пляшет. Подскочила крышка вдруг на казанке, И сказала что-то, поднимаясь, каша На своем невнятном, странном языке.

Замолчала бабушка. Надо всех кормить. И волшебной сказки оборвалась нить.

На окне, покрытом инеем, Лес нарисовала вьюга, А по многим виден линиям Ветер, прилетевший с юга.

Он с любовью беспримерною Рисовать цветы старался, — От зимы устал, наверное, И о мае размечтался.

Ветка с клейкою листвою Рвется к нам в окно упорно, И качает головою Мак в саду пурпурно-черный.

Небо морем расплескалось, Но от зимних вьюг набега Под кустом еще осталась Белая полоска снега.

ДУБ

Могучий дуб листвой качает И думает, что он один Весь мир собою украшает, В атласной шубе исполин, Не замечая, что у ног Фиалки светится глазок.

Со своей невесткой милой В дни, когда цветет миндаль, В старый сад я уходила, В зеленеющую даль.

И под крышей шелестящей Речь, бывало, поведем О добре, о зле, о счастье И о нас самих потом.

Я любила грусть, бывало, И, печали не тая, Все невестку обнимала И расспрашивала я:

— Раєскажи мне, если можешь, Ты о жизни, о любви... Что всего, всего дороже? И что выше? Назови!

Но без слов она глядела На белеющий миндаль, И в глазах ее густела Молчаливая печаль.

Я была ее моложе И расспрашивала вновь: — Что же, что всего дороже? — И она в ответ: — Любовь...

Так мечтали вечерами Мы с невесткою вдвоем. Ветерок летал над нами И над старым миндалем.

* *

Черноволосая девчонка, Зажав цветной подол в горсти, Бредет по дну, смеется звонко И хочет камешек найти.

Ручей журчит, поет, играет, Но все находки не видать. Исканий жажда не стихает, — Куда идти? И где искать?

И можно ль клад, хоть самый малый,

Найти в бездонной глубине? Усни, чернушка, ты устала, Быть может, сыщется во сне...

АРОБЩИК МОСИ

Деревня наша, как ты ни мала, А все же сердцу дорога безмерно! Речонки, что тебя пересекла, На карте мира не сыскать, наверно.

Река Гручай, как узенький ручей, В сухом широком русле протекает, А солнце щедро льет поток лучей И нашу зємлю крепко припекает.

Подпорку ладит садовод Гево К отягощенной персиками ветке. Сквозь спутанные кудри на него Глядят в упор девчонки-малолетки.

Вон бабушка к реке ведет купать Веселых, смуглых голышей ораву. С трудом таща увесистую кладь, Шагает ослик через переправу.

Смотрите — от усталости бледна, Эрик стащить козу не в силах с места. Коза-то не простая, ведь она Кормилица немалого семейства.

У старика аробщика Моси Арба в овраг свалилась.

Дело худо Теперь сиди да свой чубук соси И думай, как поднять ее оттуда.

Угрюмо держат старики совет. Сбежались босоногие мальчишки. У них пока еще силенок нет, Зато готовность, как всегда,

в излишке.

Ладонью утирая пот со лба, Соседей слушает Моси, бедняга. Слова текут, а сено и арба По-прежнему лежат на дне оврага

Я не спала, ворочалась всю ночь, Придумать мне хотелось непременно, Как старому аробщику помочь Втащить наверх его арбу и сено.

Переменилось многое с тех пор. На гребни гор, на дальние вершины, Скрестив снопы лучей,

во весь опор По чистому шоссе летят машины.

В преданье отошло немало бед. Забылся не один печальный случай. Но в памяти как будто врезан след Арбы, лежащей глубоко под кручей. Я часто вспоминаю эту ночь, Застрявшую арбу, деревню, детство, И мысль моя невольно ищет средство, Как старому аробщику помочь.

СЕЛО МОЕ

Беспечно отпустила я когда-то
Из рук своих цветистый твой подол.
Село мое, живешь ты в сердце свято.
В разлуке мы, — который год пошел.
Я пленница горячих тротуаров,
И все-таки, уверенно маня
Плывущим вдаль звучаньем песен
старых,

Село мое всегда зовет меня. Я, отогнав полночную усталость, Гляжу на мир, что вырастил меня, И вижу: деревенским я осталась Ребенком до сегодняшнего дня. Пускай проспектов ляжет вереница, — Нет в мире лучше тропки средь полей. Ничто, ничто на свете не сравнится С запавшей в душу радугой твоей.

Мы шли тропой. От мелкой пыли Дождя, что падал все лютей, Уступы скал похожи были На заблудившихся людей. Ущелье заполняли тучи. Коней, скользивших по скале, Отец мой понукал тягуче, И голос утопал во мгле. Туман клоками вис на ветках Глядевших вниз деревьев редких. Вдруг из села сквозь белый мрак К нам доносился лай собак. И оживлялся конь усталый, В тумане мордой поводя... Мы шли тропой. Тяжелой стала Земля от долгого дождя. Как мутное пятно, спускалось С вершины стадо в мгле сырой И, очевидно, удивлялось, Что раньше времени — домой. Внезапно вышел, рассердившись, Из берегов своих ручей, И вот он, в реку превратившись, Гремит все злее и звончей.

Все, кажется, полно тревоги, Что кто-то с правильной дороги В природе сбился; кто-то... Кто? Все мутью серой залито. И очертания ущелья, И все цвета из-за того Смешались, стерлись, потускнели. За шаг — не видно ничего. Но кони наши — терпеливы, Добры, умны — находят путь Над самой кромкою обрыва И не хотят с него свернуть. И только слышится, как в пропасть Каменья катятся подчас. И каждый звук вселяет робость И очаровывает нас. Но мой отец отлично знает Лукавость гор, их все пройдя. С немой усмешкой он внимает Унылой песенке дождя. И говорит: — Покуда выйдем Мы из ущелья!.. — И молчит. И что-то важное таит. А что? Не знаем и не видим.

И мы выходим из теснины. И красный шар из-за вершины Встает, гоня остатки тьмы. И снова полон мир веселья... Ах, если б, если бы и мы Вот так же вышли из ущелья!

МОЙ КРАЙ

Тяжелая лоза, Прозрачная роса, В тондире над золой Пекущийся лаваш, И милый старый пшат, На дом глядящий наш. И сломанный кувшин, Веков далеких сын. И выцветший хачкар С истертой сеткой букв, И Комитаса песнь --- Π ротяжный милый звук. Севана синий взгляд, И строгий Арарат, Щепоть родной земли И розовый гранат Пускай в душе твоей Зажгут огонь живой, И вспомнится тебе Край лучезарный твой, И вспомнится тебе Твой отчий дом и сад И матери твоей Печальный добрый взгляд.

моим друзьям

Если бы мне снова стало Восемнадцать, двадцать лет И друзей бы я искала, — Обошла бы целый свет И нашла бы вас опять я, Беспокойные мои. Разделили б мы, как братья, Все волненья, все бои, Все заботы и тревоги, Все тропинки, все дороги.

Снова быстрыми шагами Мы отправились бы в путь. Уж поспорила б я с вами, Да всерьез, не как-нибудь! Началось бы все сначала, Шутки с гневом пополам, Как бы я на вас кричала, Не давая спуску вам: «Ох, беда мне с вами всеми, Зря на вас я трачу время!»

Если бы мне снова стало Восемнадцать, двадцать лет

И друзей я б выбирала, — Не нашла других бы. Нет!

Только вас, моих строптивых, Неуступчивых друзей, Близких мне во всех порывах Милой юности моей!

зовет тебя

У края тропки Сена стог... Родной порог, Родимый дом С одним окном Зовет тебя... И диких роз Цветущий куст Там, где ты рос, В краю камней И знойных дней. Зовет тебя... Зовет тебя...

Огромен свет, И спору нет — Цветут цветы В краю любом. Отыщешь ты Не хуже дом, И сена стог, И тишь дорог...

Но если ты Душою всей Не полюбил Всего сильней Свой отчий дом В краю родном, — Найдется ль в мире Уголок, Где будешь ты Не одинок?

У озера На берегу Родимый дом, И ты в долгу Пред огоньком В его окне. Тот кроткий свет, Грустя, любя, Зовет тебя...

СОДЕРЖАНИЕ

торная дорога. Перевела ин. Петровых
Жажда света, жажда счастья Перевела Э. Але-
ксандрова
От своих тревог и тайной боли Перевела
А. Ахматова
Бывало, с судьбой своей не поладя Перевел
А. Яшин
Звуки и шорохи гасли несмело Перевела Е. Ни-
колаевская
Земляника. Перевела И. Снегова
Луч на камень лег, пылая Перевела В. Звягин-
цева
В начале дороги мечта человека Перевела
В. Звягинцева
Камень. Перевела В. Потапова
На себе изобразил Перевел Л. Мартынов 14
Дуб от ветвей до корневищ Перевел Л. Мар-
тынов
Я, как могу Перевел Л. Мартынов 16
Жернов старой, заброшенной мельницы Пере-
вел Б. Слуцкий
Соседу. Перевел Б. Слуцкий
Видя немало обид Перевел Л. Мартынов 21
Я люблю, когда на небе тучи Перевел А. Яшин 22

Ниже и ниже спускаюсь я Перевел Р. Сеф	23
Бессонница. Перевела М. Петровых	24
Дорогое что-то Перевел Г. Левин	25
Не иссякает песен родник Перевела В. Звя-	
гинцева	26
Бывают дни — беда нагрянет Перевела Е. Иль-	
ина	27
Чужая весна Перевела М. Петровых	28
Плачут дудки, горько плачут Перевела А. Ах-	
матова	29
Искусственные цветы. Перевел В. Виноградов.	30
Не успел возликовать Перевел Л. Мартынов.	31
Смотрела молча я на вал Перевел Б. Слуцкий	32
Смеются маки Перевел К. Ваншенкин	33
С большим трудом Перевел Л. Мартынов	34
Встретила я опьяневших от счастья Перевела	
Е. Николаевская	3 5
С этих сошла я высот Перевел Л. Мартынов	3 6
Ты порой пугаешься сама Перевел В. Соколов	37
Тяжело в тени стоять Перевел Г. Левин	39
А помнишь ли ты, дружок ясноокий Перевела	
М. Петровых	40
За окошком воет ветер Перевела А. Ахма-	
това	41
Этими вот самыми руками Перевел Б. Слуц-	
кий	43
Думы о солдате. Перевела Е. Ильина	44
Песня. Перевела М. Петровых	45
Обещания, не данные пока Перевела Д. Орлов-	
ская	46
Капли, как бусы, нанизаны Перевел Р. Сеф .	47
Мои тетрадки классные Перевела Д. Орлов-	
ская	48
Написал строчку честную Перевел А. Яшин.	49

я хозяйка неба и земли Перевел Б. Слуцкии 5	υ
Себе обещала я тысячу раз Перевел К. Ван-	
шенкин	51
Разжигаю печь водою Перевела Э. Алексан-	
дрова	52
У огня. Перевел М. Львов	53
Не шел упрямый дождь, когда Перевела М. Пе-	
· ·	54
Нету времени больше ждать Перевел Б. Слуц-	
	55
	56
Когда встречала я дурного человека Перевел	
	57
Любви несказанное слово Перевел Б. Слуц-	
	58
	59
· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	30
* -	32
Услышу ласковый привет Перевела Д. Орлов-	
ская	33
Ветер. Перевел Л. Мартынов	34
Как трудно мне Перевела М. Петровых	3 5
С рождением каждого дня Перевела Д. Орлов-	
	66
В волосах сединки заблистали Перевела Е. Ни-	
	5 7
Ни одно мое пристрастье Перевела М. Пе-	
тровых	38
Ну что мне рассказать? Перевела Д. Орлов-	
ская	3 6
Весь в белом, чуть колышется миндаль Пере-	
= · · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	70
Мне трудно, оставшись самой с собой Пере-	
вела З. Попова	71

Где слова для тебя найду? Перевела Д. Орлов-	
ская	72
Ради людей, ради друзей Перевела З. По-	
nosa	73
Как на кусок скалы отвесной Перевел М. Львов	7
У людей моего поколения Перевел М. Львов	7
И своенравный, и веселый Перевел Л. Мар-	
тынов	76
Где-то вдали оставив пределы Перевел	
Л. Мартынов	77
Пока нашла ты верный путь Перевела В. Звя-	
гинцева	78
Что-то печатает дождь по стеклу Перевел	
Л. Мартынов	79
На далеком моем пути Перевела В. Звягин-	
цева	80
Ты говоришь мне Перевела Е. Николаевская	8
Перед лампою настольной Перевела Е. Иль-	
ина	82
Персиковое деревцо. Перевела А. Ахматова .	8
Лишь ты сумел мне указать Перевела А. Ахма-	
moвa	84
Говорят, что с тобою должна я играть и лука-	
вить Перевела А. Ахматова	8
Тебе все хочется любви Перевела Д. Орлов-	
ская	86
Осенью позднею ради чего Перевела М. Пе-	
тровых	8
Ты мир наполнил до краев Перевела В. По-	
manosa	88
Слова "любовь" и "жизнь" неразделимы Пе-	
ревела В. Звягинцева	8
Нет-нет да загрустишь порой Перевела	
Э. Александрова	9

Ты на меня взглянул с улыбкой Перевела
В. Звягинцева
Свистящий ветер ставни рвет Перевела Е. Ни-
колаевская
Один-единственный. Перевела В. Звягинцева .
Поднялась я утром рано Перевела В. Звягин-
цева
Не понимаешь, не понимаешь Перевела Е. Ни-
колаевская
Если бы знал ты, как ты мне нужен Переве-
ла Е. Николаевская
Промчатся дни, пройдут недели Перевела
Э. Александрова
Лицо твое вспомнить хотела Перевела Э. Але-
ксандрова
Ты мне сказал Перевела Е. Николаевская 1
Как солнцем спаленная нива Перевела Э. Але-
ксандрова
Весь мир, вселенная со мной Перевел Г. Ле-
вин
Солнце восходит там для меня Перевела
И. Снегова
Ветер ищет кого-то Перевела Е. Никола-
евская
Быть может, и на свете нет Перевела Д. Орлов-
ская
Шаги нарастают Перевела Э. Александрова.
Перед очагом. Перевел К. Ваншенкин
Домик. Перевела Д. Орловская
Наш умный Чало. Перевел В. Соколов
На тахте Перевела Е. Ильина
На окне, покрытом инеем Перевела В. Звя-
гинцева

Ветка с клейкою листвою Перевела Э. Але-	
ксандрова	113
Дуб. Перевел М. Львов	114
Со своей невесткой милой Перевела Е. Иль-	
ина	115
Черноволосая девчонка Перевел И. Миронер.	117
Аробщик Моси. Перевела В. Потапова	118
Село мое. Перевел К. Ваншенкин	
Мы шли тропой Перевел В. Соколов	122
Мой край. Перевела И. Снегова	124
Моим друзьям. Перевела В. Звягинцева	125
Зовет тебя. Перевела В. Звягинцева	127

Маркарян Маро Егишевна лирика

*

Редактор Л. Н. Голубков Художник А. И. Лобрицин Худож. редактор В. В. Медведев Техн. редактор М. А. Ульянова Корректор Ф. С. Флейтман

Сдано в насор 21/X 1959 г. Подписано к печати 4/1 1960 г. А 00301. Бумага $70 \times 92^1/_2$ Печ. л. $4^1/_4$ (5,05) Уч.-из. л. 3,14 Тираж 3000 вкз. Заказ 1585. Цена 2 р. 60 к.

Издательство "Советский писатель" Москва, К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Типография им. Володарского Лениздата, г. Ленинград, Фонтанка, 57 Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и

сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, К. 104, Б. Гнездниковский пер., д. 10, издательство "Советский писатель".

